

УДК 821.161
ББК 80

ВЫСТУПЛЕНИЯ М. ГОРЬКОГО НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

А.В. Святославский

Аннотация. В год 150-летия со дня рождения Максима Горького вновь обозначился интерес к нему как к литератору и общественному деятелю. В предлагаемой статье автор обращается к малоизученному аспекту горьковедения — анализу общественных выступлений Горького. На материале нескольких речей Горького, прозвучавших в 1934 г. на Первом съезде советских писателей, проведен комплексный филологический анализ текстов с опорой на концепцию образа оратора как «образа автора», разработанную в XX в. акад. В.В. Виноградовым. Показано, каким образом поэтико-стилистический и риторический анализ дает возможность углубленного проникновения в содержательный аспект текста, сделана попытка выявить как характерные для ораторской речи писательской интеллигенции 1930-х гг. черты, так и особенности идиостиля Горького.

Ключевые слова: Максим Горький, советская литература, русская литература XX в., Первый съезд советских писателей, филологический анализ текста, образ автора, риторика публичной речи.

415

SPEECHES OF M. GORKY AT THE FIRST CONGRESS OF THE SOVIET WRITERS AS A SUBJECT OF A PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE TEXT

A. Svyatoslavsky

Abstract. In the year of the 150th anniversary of Maxim Gorky, interest in Gorky's work as a novelist and public figure once again became apparent. In the proposed article the author turns to the poorly studied sphere — analysis of Gorky's public speeches. On the material of three Gorky's speeches, delivered at the First Congress of Soviet Writers in 1934, a complex philological analysis of the texts was carried out basing on the "image of the author" concept developed in the 20th century by acad. V.V. Vinogradov. It is shown how poetic, stylistic and rhetorical analysis facilitate penetration to the content aspect of the text.

Keywords: Maxim Gorky, First Congress of Soviet Writers, Soviet literature, Russian literature of the XX cent., text analysis, rhetorical analysis, public speech.

Выделим три ключевые темы, представляющиеся важными для данной работы. 1. Максим Горький 2. Мастерство публичного выступления. 3. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Совершенно очевидно, что по изученности и по обращаемости к теме — на первом месте сегодня окажется горьковедение (тем более, в юбилейный год писателя), на втором — все более популярная тема мастерства публичных выступлений, а на третьем — порядком позабытый писательский съезд 1934 года. Однако потребность в обращении к комплексу этих вопросов очевидна, поскольку для самого Горького в начале 1930-х организация Союза писателей СССР и проведение съезда виделись задачами первоочередной важности, а для многих советских писателей и читателей была важна роль Горького в организации литературного процесса в стране.

Что же касается риторического аспекта, то мы не можем терять из сферы филологических интересов жанр публичной речи, хотя бы потому, что помним, какое место в русской культуре заняла знаменитая «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей русской словесности по случаю открытия памятника А.С. Пушкину в Москве. Речь, об эффекте которой сам Достоевский писал жене: «что петербургские успехи мои! Ничто, нуль в сравнении с этим!» [1, с. 184]. (Несколько парадоксальным выглядит тот факт, что Горький в анализируемом нами докладе на съезде эту речь упомянул и откровенно ругал Достоевского, что стало причиной почти полного удаления классика из советского книгоиздания на много лет.)

В годы подготовки съезда на неотложную необходимость исследования филологами ораторской речи обращал внимание будущий академик В.В. Виноградов, писавший, что «ораторская речь — синкретический жанр. Она одновременно и литературное произведение, и сценическое представление, <...> ораторская речь — это особая форма драматического монолога, приспособленного к обстановке общественно-бытового или гражданского «действия»» [2, с. 120]. Впоследствии Виноградов посвятил анализу ораторских выступлений целый раздел в монографии «О теории художественной речи» и в других работах возвращался к этой теме. «Так как риторика, — писал он, — учение о приемах убеждения, находит объект своих изучений не только в сфере литературы, но и далеко за ее пределами — в сфере социально-бытового языка — письменного («деловая проза») и устного, то необходимо прежде всего определить в общем, теоретическом плане, те формы слова, те принципы построения, на которых основано языковое «внушение», убеждение слушателя» [3, с. 116]. В предлагаемой статье мы попытаемся по возможности выполнить этот наказ на материале выступлений Горького.

Любопытно, что проблема риторики и стилистики прозвучала и на самом съезде, в частности, когда И.Э. Бабель призвал писателей учиться публичной речи у Сталина: «...посмотрите, как Сталин кует свою речь, как кованны его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом нам надо», —

призвал он коллег [4, с. 279]. Горький на фоне Сталина достаточно многословен, однако это совсем не умаляет достоинств его выступлений, в которых он действительно, говоря словами Бабеля, проявлял себя мастером работы над словом.

Нельзя не отметить сегодня, когда раздается немало критики в адрес Горького, что его выступления являются собою образец достаточно высокой риторической культуры, при том что сам оратор снискал всемирную славу совершенно не в этом жанре. Естественно, анализ стенограммы и архивных бумажных материалов не может дать полного представления о характере выступления Горького и его ораторском идиостиле, однако сохранились акустические записи, которые подтверждают мастерство Горького-оратора. Темп речи Горького нетороплив, что дополнительно создает ощущение весомости и авторитетности сказанного. Речь в меру экспрессивна, Горький как литератор чужд академической сухости, но чужд и избыточной экзальтации. Оратор избегает «пустых» пауз, умело используя полезные виды: логические, интонационно-синтаксические, грамотно пользуется логическими ударениями. «В речи его характерно выделялась буква „о“, как у многих волжан, но это „о“ звучало мягко, едва заметно, придавая речи какую-то особую самобытность и простоту, а голос был мягкий, грудной, приятный», — вспоминал Н.Д. Телешов [5, с. 87].

Фигура Горького на съезде была весомой. Долгожданное возвращение главного пролетарского писателя в Россию стало по существу одним из факторов, определивших созыв

съезда как платформу для объединения писателей в единый творческий союз. Горький открыл работу писательского форума, делал большой установочный доклад «О советской литературе» и произнес заключительную речь перед закрытием съезда. Во время работы форума он был избран председателем Президиума Союза советских писателей. На съезде Горькому много аплодировали, к нему апеллировали, его цитировали, им восхищались, его благодарили... Так что на девятом заседании 22 августа Горькому пришлось выступить с краткой речью-репликой, которую он начал с замечания, облеченного, чтобы не обижать слушателей, в юмористическую форму: «Уважаемые товарищи! Мне кажется, что здесь чрезмерно произносится имя Горького с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т. д. (*смех*). Не думаете ли вы, что, слишком подчеркивая и возвышая одну и ту же фигуру, мы тем самым затемняем рост и значение других?» [4, с. 225].

Съезд начал работу 17 августа в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, и завершился 1 сентября 1934 г. Всего состоялось 26 заседаний. Будучи Председателем Оргкомитета, Горький открыл съезд, произнес краткое вступительное слово, явившее собою вполне законченный образец хорошо подготовленной речи. Горький начал выступление с оценки всемирно-исторического значения съезда. Приведем фрагмент его выступления:

«Мы выступаем, демонстрируя разумеется не только географическое наше единение, но демонстрируя единство нашей цели, которая конеч-

но не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений.

Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии, отчаяния в своем освещении ее идеологического бессилия, ее социального банкротства, в эпоху провала всех кровавых попыток возвратиться путем фашизма к эпохе феодального средневековья.

Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда <...>.

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина» [там же, с. 1].

О подготовленности вступительной речи говорит ее композиция и риторическая структура. Основной риторической фигурой, призванной сцементировать текст и усилить экспрессивный эффект, выбрана анафора, отмечающая собой каждую фразу. Смысл анафорической конструкции весьма характерен: «мы выступаем», — последовательно говорит Горький. Очевидно, что семантика глагола «выступаем» в данном контексте не может быть здесь целиком сведена к значению, описанному в Толковом словаре Ожегова как «произнести речь, высказать свое мнение, высказаться (на собрании, перед публикой, в печати)» [6, с. 121], но тяготеет к значениям «отделившись, выйти, выдаться вперед» и «от-

правиться куда-нибудь» [там же]. Речь идет не просто о коллективном выступлении как говорении на съезде, а о некоем общем поступательном движении в социально-прогрессивном аспекте, ибо советская литература мыслит себя авангардом мировой литературы.

В первом выступлении Горького, прозвучавшем как «закладной камень» съезда, ярко выражен эмоционально-экспрессивный аспект. Пафосность должна подчеркнуть важность момента и происходящего события. Современная эпоха образно охарактеризована как «одичание, озверение и отчаяние буржуазии», западный мир признан обреченным на гибель. Используются усложненные сравнения и метафорические обороты: «Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини» [4, с. 1]. Одной из основных риторико-поэтических фигур является антитеза, когда «советское» противопоставляется «несоветскому». Антитеза «мы versus они» становится характерным и последовательно применяемым посылом в складывающемся в 1920-30-е гг. советском риторическом каноне публичной речи. Обязательным элементом этого канона является также продемонстрированная Горьким присяга партии и Ленину, и — вынесенное на самый конец, в эмфатически сильную позицию, славословие Сталину.

У Горького особенно ощутима бинарная оппозиция «мы — они», «у нас — у них», «СССР — Запад» в исполненном агитационной риторике первом выступлении и в заключительном выступлении (соответственно в дни открытия и закрытия съез-

да). За этим нетрудно разглядеть подтекст личного свойства: Горький подчеркнуто позиционирует себя, столько лет прошедшего в Западной Европе, — русским советским писателем. Местоимение «мы» и производные «наше», «нам», «нас» — также призваны подчеркнуть единство оратора и сидящих в зале, подчеркнуть единство Горького и всех советских писателей, единство Горького и народа, а также выразить право говорить от имени писателей и народа. Местоимение «я» и производные от него употребляются значительно реже. В заключительной речи Горький снова использует местоимение «мы» в качестве основы столь любимого им приема анафорической амплификации, завершающегося призывом: «Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть достойны принять участие в нем. Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы должны готовиться, учиться преобразовать этот трагизм в совершенных формах <...>. Нам нельзя ни на минуту забывать, что о нас думает, слушая нас весь мир трудового народа, что мы работаем пред читателем и зрителем, какого еще не было за всю историю человечества [там же, с. 680].

Перейдем к анализу основного доклада Горького («О советской литературе»), прозвучавшего на первом заседании съезда 17 августа, сразу после доклада А. А. Жданова, официально представлявшего на съезде руководство ВКП(б). В целом Горький строит диспозицию доклада по правилам риторической хрии, то есть классически построенной системы аргументации, идя при этом дедуктивным путем, хотя сам тезис («советская литература лучшая в

мире и во времени») не заявляется поначалу непосредственно, но имплицитно. Оратор начинает издали, говоря о роли труда в превращении обезьяны в человека и далее о роли трудящегося народа в мировой культуре. При этом методически Горький следует известному риторическому принципу полемики, взятому в свое время на вооружение В.И. Лениным, который не только в выступлениях, но в предназначенных для публикации работах начинал с опровержения мнений своих противников и завязывал заочный спор с ними, реализуя прием доказательства «от противного». Горький таковыми противниками избирает философов разных времен (Я. Бем, Г. Спенсер, Дж. Фрэйзер, Дж. Беркли, А. Бергсон и другие), которых он объединяет по принадлежности к так называемой «буржуазной» науке. Опровержение их мнений, главным образом, по поводу недооценки роли труда в культуре и роли трудящегося человека, становится материалом для ангажирования сюжета.

Такой подход нужен Горькому, чтобы перейти к доказательству выдвинутого тезиса — к мысли о том, что внимание к труду и людям труда (в т.ч. изучение трудовых мотивов фольклора) ведет разумную часть человечества к материалистическому мышлению, а значит, к истине, пробиться к которой мешает религиозное сознание. «И совершенно ясно, — заявляет Горький, — что бог не явился бы и не существовал бы так долго в житейском обиходе людей труда, если бы он не был сугубо полезен владыкам земным, эксплуататорам труда. В нашей стране бог так быстро и легко выходит из упо-

требления именно потому, что исчезла причина его бытия — необходимость оправдания власти человека над человеком, ибо человек человеку должен быть только сотрудником, другом, соратником, учителем, а не владыкой разума и воли его» [там же, с. 6]. Обращает на себя внимание оборот «бог выходит из употребления», практически невозможный в нейтральной речи. Отсюда же парадоксальное словосочетание «сырье для фабрикации богов» [там же], имеющее уничижительный оттенок по отношению к религии. Построенные на смешении стилей (возможно, для создания комического эффекта), эти обороты также несут отпечаток канцелярского стиля, проникшего в речевой обиход в 1920-30-е гг. и служившего признаком хорошего тона у новых советских чиновников, за которыми тянулась осваивавшая грамоту масса. Канцеляризмом отмечена и фраза «мещанство <...> пропагандировало и укрепляло философию индивидуального роста по линии наименьшего сопротивления» [там же, с. 16]. Завершая во многом философское по содержанию вступление-размышление к докладу, Горький считает тезис доказанным и афористически формулирует главный вывод: «Процесс социально-культурного роста людей развивается нормально только тогда, когда руки учат голову, затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова и уже сильнее способствуют развитию мозга» [там же, с. 8].

Далее оратор переходит собственно к литературе. Подвергается анализу весь мировой литературный процесс. При этом сохраняется принцип предшествования доказатель-

ства от противного, что подсказано и хронологическим подходом — ведь «правильная» советская литература насчитывает едва полтора десятка лет, а вся предшествующая ей литература относится к «неправильной» или не совсем правильной. В СССР идет самоутверждение нового строя, новой идеологии, новой литературы, и Горький, хотя по возрасту, происхождению, воспитанию, да и во многом по характеру творчества — принадлежит другим культурам, — теперь старается соответствовать духу момента, сделав пафос обличения оружием своей программной по существу речи.

Тем не менее, стараясь смягчить категоричность, Горький использует прием антитезы и противопоставляет две категории европейских литераторов, к большей из которых относятся «бесполезные» авторы, вроде Ш. Поль де Кока, Э. Троллопа, У. Коллинза, П. Феваля, отдавшие свой талант восхвалению и ублажению буржуазии, а к меньшей более полезные — несколько десятков представителей критического реализма. Так же противостоят две партии в русской литературе: с одной стороны, представители «мещанской литературы» — Ф.В. Булгарин, К.П. Масальский, Вс. Соловьев, Н.А. Лейкин, А.Т. Аверченко, с другой — «критические» реалисты А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, И.А. Бунин...

Анализируя состояние советской культуры и современный литературный процесс в СССР, Горький также начинает с осуждения негатива, отмечая недостатки теперь уже в молодой советской литературе. Он призывает литераторов и литературных критиков освобождаться от социаль-

ных болезней мещанства, вождизма, догматизма. В заключительном слове 1 сентября Горький вновь вернется к недостаткам советской литературы, подвергнув, в частности, критике поэзию Александра Прокофьева, страдающую чрезмерной гиперболизированностью (Горький считает это негативным влиянием В.В. Маяковского и Н.А. Клюева) и незнанием народной эпической поэзии.

От негатива Горький переходит к позитиву, к тому, что призвана дать миру и дает уже советская литература. В речи ощутим стиль агитации. Звучат призывы, широко используются формы модальности долженствования: «партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний мещанства» [4, с. 17]; «Надо усвоить, что критический реализм возник как индивидуальное творчество „лишних людей“...» [там же]; «Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных „мастеров культуры“, „инженеров душ“» [там же, с. 18]; «союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом...» [там же]. Как видим, Горький не чужд и употребления ставшего модным и приписываемого обычно то Юрию Олеше, то И.В. Сталину перифразы «инженер душ» — вместо писатель, литератор.

Иногда переход от одной подтемы к другой обозначен вопросом, который, во-первых, призван перевести предмет разговора со слушателями в проблемную плоскость, во-вторых, активизировать внимание и, в-третьих, придать ораторскому монологу оттенок диалогичности: «Что привело литературу Европы к твор-

ческому бессилию, обнаруженному ею в XX веке?» [4, с. 9]; «Теперь я спрошу: Зачем организован съезд литераторов и какие цели ставил перед собой будущий союз?» [там же, с. 18]; «В чем вижу я победу большевизма на съезде писателей?» [там же, с. 675]. Заключительная часть выступления представляет собою самостоятельную мини-хрию, начинающуюся с постановки ключевого (в т.ч. для всей работы съезда) вопроса: «Зачем организован съезд литераторов и какие цели ставил перед собой будущий союз?» [там же, с. 18]; Далее оратор по пунктам четко и последовательно дает ответы на поставленный им самим вопрос, при этом, как и прежде, начинает доказательство от противного: «Если только цели профессионального благоустройства работников литературы, тогда едва ли следовало городить столь грандиозный огород» [там же, с. 18]. Затем указываются реальные цели создания Союза советских писателей: руководство литературным процессом; руководство начинающими писателями; обучение писателей работе с «прошлым и настоящим» (состояние исторических жанров видится Горькому неудовлетворительным); научение писателей марксистскому подходу к освещению действительности... «Нам необходимо знать все, что было в прошлом, — убеждает Горький, — но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса — Ленина — Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях, — трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетариата Союза социалистических республик.

Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов» [там же, с. 18]. Проявившийся здесь митинговый стиль речи заставляет Горького употребить грамматически и логически неудобоваримую фразу, что, возможно, «проглатывается» слушателем, скрадываясь эмоционально-экспрессивным характером концовки. Конструкция «необходимо знать все, что было в прошлом <...> так, как это реализуется трудом /.../» (курсив наш — А.С.) очевидно девиантна по отношению к норме, демонстрируя собой явление солецизма, когда подобная рассогласованность все-таки не влечет за собою потери общего смысла высказывания.

Выступление Горького завершается резюме. Последняя фраза речи демонстрирует столь высоко ценимые еще Цицероном приемы амплификации и градации, призванные повысить убедительность и доходчивость сказанного: «Наш съезд должен быть не только отчетом пред читателями, не только парадом наших дарований, но он должен взять на себя организацию литературы, воспитание молодых литераторов на работе, имеющей всесоюзное значение всестороннего познания прошлого и настоящего нашей родины» [там же, с. 18]. Эффект достигается употреблением повторяющихся союзных конструкций «не только, но и»; повторяющихся модальных форм «должен быть»; «должен взять» и однородных дополнений («взять на себя организацию, воспитание»). Вынесение на конец этой принципиально важной фразы словосочетания «нашей родины» видится явлением знаковым и отмечено вполне уместной пафосностью.

Когда-то Аристотель заложил основу для выделения типов ораторской речи по признаку, иногда называемому в современной науке дискурсивностью (связь речи с коммуникативной ситуацией и целью коммуникации). Он различал судебные, совещательные и эпидейктические типы речи [7, с. 14]. Современное речеведение выделяет более подробный ряд речевых типов, среди которых обычно различают информирующую, аргументирующую, агитирующую, эпидейктическую, эвристическую, гедонистическую речь и некоторые другие типы [см., напр.: 8, с. 57]. В рамках теории речевых жанров М.М. Бахтина [9, с. 159-206], можно попытаться представить публичное выступление как супержанр, а выделявшиеся со времен Аристотеля дискурсивно маркированные типы речи — как отдельные речевые жанры. В.В. Виноградов также пишет о том, что «ораторская речь дифференцирована по функциям и по жанрам» [10, с. 130]. Однако за исключением жестко ситуативно обусловленных публичных выступлений (вроде церковной проповеди, обвинительных и защитительных судебных речей) в большинстве случаев бывает сложно определить жанр ораторской речи однозначно. Тем не менее, можно попытаться выделить элементы тех или иных типов речи и функциональных жанров внутри того или иного выступления.

Анализируемые нами выступления Горького представляют собою синтез нескольких речевых типов. Нетрудно выделить эпидейктический тип с его аксиологической подоплекой, отвечающий за рассуждения о добре и зле в предмете речи.

У Горького это попытка выяснить, что есть хорошо и что есть плохо в современной и в прежней литературе и, далее, что полезно и что вредно для молодой советской литературы. Характерная черта, обращающая на себя внимание в речах Горького и других выступавших, — присяга верности советскому строю, от которой ораторы переходили к восхвалению этого строя на фоне обличения буржуазности, под которой понималось все, что происходило в России до 1917 года, и все, что происходит за границами Советского Союза. В терминах риторической диспозиции это должно соответствовать похвале добродетели и осуждению порока.

Рассуждение на тему неизбежно влечет за собой обращение к аргументирующему (система доказательств) и далее — к агитирующему типу с употреблением каузальных цепочек: «Причиной интеллектуального обнищания всегда служит уклонение от познания основного смысла явлений действительности, — бегство от жизни вследствие страха перед нею или вследствие эгоистического стремления к покою, — вследствие социального равнодушия, вызванного пошлейшим и отвратительным анархизмом капиталистического государства» [4, с. 7]. Полемический стиль речи позволяет говорить и о полемическом типе выступления в целом. Горький полемизирует с идейными противниками, стимулируя тем дискуссии среди слушателей, которые, казалось бы, безмолвствуют в зале, но фактически мысленно соглашаются или спорят с оратором, подают реплики, а впоследствии открыто обсуждают или отмечают в своих записях впечатления от

выступлений. То есть, налицо реализация монолога как диалога в духе концепции М.М. Бахтина об имманентной диалогичности речи.

Однако характер аргументации не всегда следует античному принципу риторической диалектики, призывавшему не уничтожать морально оппонента, но учитывать его мнения в поисках истины. К сожалению, характерной чертой советской риторики, отчасти наследовавшей митинговым выступлениям революционных лет, является практика навешивания ярлыков и бездоказательных утверждений и обвинений. В речи Горького иногда встречаем: «старый ренегат Лев Тихомиров»; «изуверская мысль матерого консерватора Константина Леонтьева». Литература критического реализма, по Горькому, сводится к «индивидуальному творчеству “лишних людей”, которые, будучи не способны к борьбе за жизнь, не находя себе места в ней и более или менее отчетливо сознавая бесцельность личного бытия, понимали эту бесцельность только как бессмыслие всех явлений социальной жизни и всего исторического процесса» [там же, с. 17]. Сегодня едва ли кто согласится с тем, что все классики мировой литературы, относимые в те годы к творцам «критического реализма», являли собой пример «лишних людей», скованных осознанием бессмысленности исторического процесса.

В лексике, в фразеологии, в использовании фигур и тропов ораторами съезда ощутима характерная еще для рапповцев риторика уничижения идеологических оппонентов, иногда даже с использованием сниженных и вульгаризованных выражений, эпи-

тетов, сравнений. К сожалению, местами это встречается в выступлениях Горького, в целом выдержанных в хорошем публицистическом стиле с некоторыми элементами разговорного и художественного стиля. Подобные приемы критики, бездоказательных обвинений, риторической манипуляции, софистики способствовали нагнетанию массовой истерии, отмечая собою уже имевшие место ко времени работы съезда политические процессы по делу Промпартии, «Шахтинскому делу», «делу славистов». Неоправданным негативом отмечен и немалый фрагмент речи Горького, посвященный развенчанию Достоевского, которому в жестких выражениях ставится в вину оправдание крепостного права, дружба с К.П. Победоносцевым... «Достоевскому, — делает вывод Горький, — приписывается роль искателя истины. Если он искал — он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать» [там же, с. 11]. Осуждение Достоевского по какой-то замысловатой логике оратора подкрепляется душераздирающей сценой описания того, как фашист ударом ноги сносит голову рабочего, а русский белый офицер вырезает звезды на коже красноармейца [там же]. Совершенно очевидно, что, во-первых, творчество Достоевского ни в коей мере не является стимулятором жестокости, а во-вторых, физические издевательства стали нормой и в карательных структурах СССР в те самые 1930-е годы, когда Горький обличает европейский фашизм и белогвардейцев. Но Горький не хочет замечать этого, при том, что каких-то пятнадцать лет тому назад сам обвинял большевиков в не-

правданной жестокости. Манипулятивные приемы убеждения плюс резкость суждений характеризуют оратора как человека в значительной степени радикальных взглядов, представляющих мир в черно-белом цвете, где нет места полутонам.

Особенность момента стимулирует Горького к произнесению целых пассажей в стилистике обвинительных судебных речей. Как мы помним, охвативший советскую идеологическую сферу с первых послереволюционных лет пафос обличения идейных противников привел даже к распространению такого своеобразного вида идеологических риторических экзерциций, как молодежные «суды» над литераторами и литературными героями прошлого. Аллюзии к ним неизбежно возникают при чтении (слушании) речей Горького и участников съезда. Тем более, что 1934-й год — это уже эпоха не игровых литературных судов, а реальных жестоких политических процессов. Открывая съезд, Горький прямо позиционирует себя и единомышленников как судей: «Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель...» [там же, с. 1], причем здесь речь идет даже не о суде над литературой, но над всем миром, лежащим за пределами СССР.

Известный своей начитанностью, Горький разнообразит стиль выступления многочисленными цитатами: из классиков марксизма («Наше учение — не догма, а руководство к действию» — из Ф. Энгельса); из философов (Аристотель, П.Б. Струве, К.Н. Леонтьев); литераторов (Леонид Андреев, Дмитрий Мережковский, Виктор Гусев, Александр Прокофьев); из критики и публицистики (В.Г. Белинский, Вера Фигнер, П.А. Бадмаев); из

переписки с читателями. Естественно, есть отсылки к работам и выступлениям Ленина и Сталина. Применительно к литературному процессу Горький оставляет слушателям несколько собственных афористически сформулированных умозаключений и сентенций: «Ценность литературы измеряется не количеством, а качеством» [там же, с. 15]; «Из всех форм художественного словесного творчества наиболее сильной по влиянию на людей признаются драма и комедия» [там же, с. 9]; «Книга есть главнейшее и могущественное орудие социалистической культуры» [там же, с. 679]; «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество» [там же, с. 17]. Некоторые из них впоследствии охотно цитировались литературными критиками и даже попали в учебники литературоведения. Впоследствии на вооружение многими ораторами была взята и фраза Горького, прозвучавшая в самом конце его во многом агитирующей заключительной речи от 1 сентября, фраза-призыв: «За работу, товарищи!» [там же, с. 681]. Она даже вошла в цитируемую до сих пор по разному поводу концовку выступления Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС в 1962 г. («Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»). Горький использует и другие прямые обращения и призывы в духе времени: «Вперед и выше — это путь для всех нас...» [там же, с. 680]; «Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман...» [там же, с. 676]. «Я призываю вас, товарищи, учиться — учиться думать, работать, учиться уважать и ценить друг друга...» [там же, с. 680]. В последнем примере убе-

дительность высказанного подчеркивается применением риторической фигуры анадиплозиса — постановки ключевого слова «учиться» в конце и в начале синтагмы.

Все выступления Горького на съезде были встречены бурными аплодисментами, авторитет его в читательской среде продолжал быть высоким, в среде же писательской встречалось и критическое отношение. Делегат съезда Михаил Пришвин, чьи личные отношения с Горьким в этот период несколько обострились, оказался разочарован и Горьким, и всеми докладчиками первых дней работы форума, читающими заранее написанные тексты. Он заносит в дневник 22 августа запись: «Белый зал. Электричество. Две тысячи человек, жара. Портреты великих писателей и наши на эстраде: Толстой распустил брюхо, Горький снял пиджак и остался в синей рубашке. Горький читает, слышатся слова “начиная с первобытного человека”. И вот невыносимо. И те же самые люди, кто при одном слове “Горький” хлопали, вдруг начали один за другим и пачками подниматься и уходить. Кто-то шепнул: “а может быть, он (Горький) давно уже помешался, а мы по инерции ходим и слушаем и ждем чего-то...”» [11, с. 459]. Однако изучение стенограммы и прослушивание сохранившихся аудиофрагментов не позволяет нам сделать вывод о каком-то гипотетическом слабобумии постаревшего Горького. Говорил он вполне здравые вещи — с точки зрения его тогдашней жизненной позиции и в духе господствовавшей идеологии. Другое дело, что в зале стояла жара и духота, несовершенство микрофонов и громкогово-

рителей создавало помехи слушанию, «казенность» самой атмосферы тоже напрягала некоторых литераторов. Совершенно очевидно, что Горький, умевший прекрасно говорить «без бумажки», в данном случае не смог бы осилить многочасовой доклад на одной импровизации. Кроме того, он сам и слушатели понимали, что доклад «О советской литературе» будет носить программный характер, а значит, требует текстуальной тщательности.

Скучным и неоправданно длинным показался доклад Горького «О советской литературе» и делегату Валентину Каверину, впоследствии назвавшему этот форум «съездом обманутых надежд». «Первый съезд открылся трехчасовой речью Горького, утомительной, растянутой, — он начал чуть ли не с истории первобытного человека», — вспоминал Каверин [12, с. 172]. Как видим, Каверину тоже не понравилась излишняя перегруженность фактами, рассуждениями и растянутость доклада. С последним, наверное, можно согласиться: какими бы ни были интересными и важными преподносимые факты, ритор должен учитывать коммуникативную ситуацию, следуя первой коммуникативной максиме Герберта Пола Грайса, требующей соизмерять количество передаваемой информации с возможностью ее адекватной рецепции. Тем не менее, тот же Каверин отмечал положительный эффект мероприятия в целом: «Первый съезд был и остался светлым воспоминанием. Панорама нашей прозы и, в особенности, поэзии оказалась внушительной, многообещающей. Что касается назначения, которое для меня прояснилось

только через десятилетия, оно, без сомнения, заключалось в том, что партия, отобрав у РАППа право и возможность распоряжаться в литературе, отдавала их профессиональным писателям, на которых можно было положиться» [там же, с. 170].

Примечательно, что свое заключительное выступление на съезде Горький тоже начал с полемики — в данном случае с теми коллегами, которые сомневались в необходимости созыва съезда. Опровержение мнения этих оппонентов выстраивается в патетическом ключе. «Они не понимают, — говорит Горький, — что все мы — очень маленькие люди в сравнении с тем великим, что совершается в мире, не понимают, что мы живем и работаем в начале первого акта последней трагедии трудового человечества. Они уже привыкли жить без чувства гордости, смыслом личного бытия и заботятся только о том, чтоб сохранить тусклую светлость, тусклое сиятельство своих маленьких, плохо отшлифованных талантов» [4, с. 675]. Здесь вновь применен прием амплификации. Обращает на себя внимание и причудливость тропики с изобретением своеобразных оксюморонов «тусклая светлость», «тусклое сиятельство», когда за очевидной метафорой, рожденной уподоблением таланта сияющему источнику света, дополнительно скрывается более глубокий смысл («внутренняя форма слова» в известной концепции А.А. Потебни и Г.О. Винокура), когда Горький иронически обыгрывает титулы аристократии «светлость» и «сиятельство».

Заключительный элемент выступления построен на ставших традицией советской ораторской речи

здравицах, заменивших прежние славословия членам императорской фамилии. Помимо здравицы в адрес партии и Сталина, Горький произносит: «Да здравствует дружеское, крепкое единение работников и бойцов словом, да здравствует всесоюзная красная армия литераторов! И да здравствует всесоюзный пролетариат, наш читатель, — читатель друг, которого так страстно ждали честные литераторы России XX века...» [там же, с. 681]. В этом пассаже оказался отражен дух хронотопа: место — СССР, время — 1934 год. В своем уподоблении литераторов бойцам, а писательского корпуса — Красной армии, Горький не оригинален, атмосфера наполнена ожиданием войны и сама фразеология публичных выступлений, публицистики и беллетристики (что ярко выражено, например, у Арк. Гайдара) того времени изобилует эпитетами, сравнениями, метафорами, построенными на параллелях с военными реалиями и употреблении соответствующей лексики.

Общий вывод с точки зрения мастерства публичной речи однозначно сводится к тому, что Горький мастеровитый оратор. При том, что сегодня многие положения его выступлений видятся спорными или неприемлемыми, — риторическое исполнение не теряет своей актуальности и может быть образцом в обучении искусству публичной речи. При этом образ Горького-оратора ярко эксплицирует образ Горького как человека, писателя, общественного деятеля, претерпевшего сложную динамику на пути осмысления окружающего мира. Выступления на съезде лишней раз подтверждают сложность того, что можно

назвать «феноменом Горького». Горький-интеллигент склонен резко осуждать эту самую интеллигенцию; Горький, обвиненный когда-то Лениным в богоискательстве и бегстве от революции, — выступает жестким судьей всякой религиозности и апологетом всего советского, Горький, осуждавший жестокость большевиков, теперь фактически льет воду на мельницу идеологических радикалов, следующих принципу «кто не с нами, то против нас». Однако всему этому в тот момент находилось объяснение и оправдание. Еще один делегат того съезда — Лидия Сейфуллина писала: «С момента утверждения писательской славы Горького <...> его любили и ненавидели. Равнодушного отношения к нему не было. Множество людей терзало его своей требовательной любовью или неустанной враждой <...>. Природная душевная мягкость сочеталась в нем с жесткостью борца за политическую идею. Активная жалость к людям требовала беспощадного их изобличения» [13, с. 193].

427

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Ф. М. Достоевский — А. Г. Достоевской. 8 июня 1880 г. [Текст] / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти тт. — Т. 30. Кн. 1. Письма. 1878–1880. — Л.: Наука, 1988.
2. *Виноградов, В.В.* Поэтика и риторика / В.В. Виноградов // О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — С. 98–175.
3. *Виноградов, В.В.* О художественной прозе [Текст] / В.В. Виноградов // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. — С. 56–175.
4. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет [Текст] / М., 1934. — 718 с.

5. *Телешов, Н.Д.* Максим Горький [Текст] / Н.Д. Телешов // Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1987. — С. 85-106.
6. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов; Н.Ю. Шведова. — Изд. 4-е. — М.: ООО А-Темп, 2006. — 944 с.
7. *Аристотель.* Риторика. Поэтика [Текст] / Аристотель. — М.: Лабиринт, 2000. — 224 с.
8. *Михальская, А.К.* Основы риторики [Текст] / А.К. Михальская. — М.: Просвещение, 1996. — 416 с.
9. *Бахтин, М.М.* Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Собр. соч. — М.: Русские словари, 1996. — Т. 5. — С. 159-206.
10. *Виноградов, В.В.* Проблема образа автора в художественной литературе [Текст] / В.В. Виноградов // О теории художественной речи. — М.: Высш. школа, 1971. — С. 130-211.
11. *Пришвин, М.М.* Дневники. 1932–1935. Кн. восьмая. [Текст] / М.М. Пришвин. — СПб.: Росток, 2009. — 1008 с.
12. *Каверин, В.А.* Эпилог: Мемуары [Текст] / В.А. Каверин. — М.: Моск. рабочий, 1989. — 543 с.
13. *Сейфуллина, Л.Н.* Человек [Текст] // Максим Горький в воспоминаниях современников. В 2-х тт. — Т. 2. — М.: Худож. литература, 1981. — С. 191-197.
14. *pisem., V 30-ti tt., T. 30.* Kn. 1. Pisma. 1878–1880, Leningrad, Nauka, 1988.
15. *Vinogradov V.V., “Poetika i ritorika”, in: O yazyke hudozhestvennoj prozy,* Moscow, Nauka, 1980, pp. 98-175.
16. *Vinogradov V.V., “O hudozhestvennoj proze”, in: O yazyke hudozhestvennoj prozy,* Moscow, Nauka, 1980, pp. 56-175.
17. *Pervyj Vsesoyuznyj sezid sovetskih pisatelej. Stenograficheskij otchet,* Moscow, 1934, 718 p.
18. *Teleshov N.D., “Maksim Gorkij”, in: Zapiski pisatelya. Vospominaniya i rasskazy o proshlom,* Saratov, Privolzhskoe kn. izd-vo, 1987, pp. 85-106.
19. *Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu., Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij,* Izd. 4-e., Moscow, ООО А-Темп, 2006, 944 p.
20. *Aristotel. Ritorika. Poetika,* Moscow, Labyrinth, 2000, 224 p.
21. *Mihalskaya, A.K., Osnovy ritoriki,* Moscow, Prosveshchenie, 1996, 416 p.
22. *Bahtin M.M., “Problema rechevyh zhanrov”, in: Sobr. soch.,* Moscow, Russkie slovari, 1996, T. 5, pp. 159-206.
23. *Vinogradov V.V., “Problema obraza avtora v hudozhestvennoj literature”, in: O teorii hudozhestvennoj rechi,* Moscow, Vyssh. shkola, 1971, pp. 130–211.
24. *Prishvin M.M., Dnevniky. 1932–1935, Kn. 8,* Sankt-Petersburg, Rostok, 2009, 1008 p.
25. *Kaverin V.A., Ehpilog: Memuary,* Moscow, Mosk. rabochij, 1989, 543 p.
26. *Sejfullina, L.N., “Chelovek”, in: Maksim Gor’kij v vospominaniyah sovremennikov, v 2-h tt., t. 2,* Moscow, Hudozh. literatura, 1981. pp. 191-197.

REFERENCES

1. Dostoevsky F.M., F.M. Dostoevsky — A.G. Dostoevskoy, in: *Poln. sobr. soch. i*

Святославский Алексей Владимирович, доктор культурологии, профессор, кафедра классической русской литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, ale1906@yandex.ru

Svyatoslavsky A.V., ScD in Culturology, Professor, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University, ale1906@yandex.ru